

Алесь
Бадак

ПО ТУ СТОРОНУ ОТРАЖЕНИЯ

Мой дядя Юзеф был сумасшедшим. О родстве с такими обычно говорят неохотно. Хотя, если собрать всех сумасшедших мира, получилось бы целое государство. И кто знает, может, это был бы наилучший пример всеобщей гармонии (пусть себе в пределах одного государства), к которой человечество всё время, и пока что безуспешно, стремится.

Надо сказать, были дни, когда разум к дяде возвращался, наполняя собой его сознание так же незаметно и неожиданно для всех нас, кто с ним жил, как бесплодные после грозы тучи вновь наполняются дождем. Тогда – обычно такое случалось во время наших прогулок по берегу Свислочи, рядом с которой, на улице Янки Купалы, мы жили, – дядя часто рассказывал про моих близких и дальних родственников, живых и умерших. И хоть некоторые истории были слишком уж невероятными, чтобы в них сразу поверить, слушая его, я не раз повторял самому себе: «Порой Бог, давая человеку мудрость, взамен забирает у него разум».

Одну из тех историй я помню и сегодня, хоть прошло уже девятнадцать лет, как дядя покинул этот мир, так и не найдя свой дом, разбомбленный немецкой авиацией в последнюю войну, на поиски которого на берег Свислочи он отправлялся почти ежедневно, со мной или с кем другим.

У дяди Юзика, кроме моего отца, был еще один родной брат, Василь, старший из всех детей Опанаса Матусевича и Марии Загорской. Год рождения Василя Матусевича – 1908-й – мне запомнился легко и на всю жизнь, поскольку как раз тогда в шестизэтажном отеле «Европа» установили первый в Минске лифт, а мой дед по отцовской линии имел непосредственное отношение к этому знаменательному для города событию. Да и сам я сегодня, в некоторой степени, отвечаю, в том числе, и за лифтовую систему столицы. В такой степени, когда знать историю минского лифтостроения совсем не повредит.

Вообще, в нашем роду все мужчины имели дело или с техникой, или со строительством, кроме дяди Василя. Он писал стихи. Этому предшествовало раннее взросление, которому сильно поспособствовало время, один за другим посылающее на Минск вихри перемен, вызванных, с одной стороны, Первой мировой войной, с другой – российской революцией. Горожане еще только начинали привыкать к большевистским лозунгам, которые так же легко было

прочитать по их лицам, как и на кумачовых плакатах, однако менее чем через четыре месяца после провозглашения того, что вся власть в Минске перешла в руки городского Совета рабочих и солдатских депутатов, в ночь с 18 на 19 февраля 1918 года, большевики город вынуждены были оставить, а через два дня сюда вошли немцы. После капитуляции Германии перед Антантой и вывода ее войск с захваченных территорий, в декабре восемнадцатого года большевики возвращаются в Минск, чтобы 8 августа следующего года снова оставить его – уже, правда, полякам. Однако через месяц поляки отдают город назад большевикам, но 15 сентября 1920 года заявляются сюда еще раз, ровно на неделю, окончательно сбив с панталыку горожан, которым в этом военном и политическом кавардаке рехнуться было легче, чем сохранить ясный ум. Наконец, чем-то ненормальным (хоть, на самом деле, это, наоборот, свидетельствовало о начале выздоровления нации) кое-кому казалось тогда другое. В начале двадцатых самопровозглашенных поэтов в Минске было столько, что у впечатлительного Купалы, который еще недавно в отчаянье писал: «белорусы никого не имеют», и которого могло необычайно взволновать появление очередного нового таланта, глаза не успевали просыхать от слез радости. Правда, подавляющее большинство поэтов были приезжими провинциалами, из деревень и местечек. Их было так много, что создавалось впечатление, будто единственное, что мешало белорусам превратиться в писательскую нацию, – неважное владение жителями крупных городов белорусским языком. По крайней мере, Василию Матусевичу это обстоятельство да еще прирожденная скромность и вправду закрыли дорогу на страницы газет и журналов. Выслушав как-то в одной из редакций достаточно жесткую критику своих стихов, он перестал даже записывать их на бумагу, а носил в себе отдельными, нередко незавершенными строками, которые в нем рождались и умирали быстрее, чем меняется небо в ветреную погоду, и так часто меняли свой смысл, что казались бессмысленными. Воображаемый мир, созданный поэтическими образами, и мир реальный в голове его перепутывались, и часто было не понять, в каком из этих миров рождались мысли, когда он говорил:

– Я сегодня видел человека с двумя языками. Одним он слизывал огонь с остатков уничтоженного костела, который он сам же и спалил вместе с товарищами, а другим утешал мать.

Василь не знал, что от рифмованных образов время от времени надо избавляться, отдавать их бумаге, иначе в голове их станет слишком много, и уже не ты будешь управлять ими, а они тобой. Так и случилось.

«Ему двадцать три года, а его совсем не интересуют женщины», – жаловался отец и, зная, что ключ от чужого сердца легче найти в столе, чем на кончике языка, однажды открыл ящик сыновнего стола, но не нашел в нем ничего, кроме папки с газетными вырезками и большим портретом Купалы сверху. Это были стихи и статьи поэта, интервью с ним, короткие сообщения о том, где и когда он выступал. А под кипой вырезок лежала тетрадка, на первой странице которой было записано:

«26.04.30.

Я всё время сдерживал себя от того, чтобы вести дневник, но который день ношу в себе, под сердцем, без малого как беременная женщина, сказанное Им после того, как я, вместе с другими, помогал Ему спасти домашний скарб от

наводнения. Он сказал: “Спасибо, миленький!” И когда я, разволновавшись, ватными губами прошептал: “Я Вас так люблю”, Он обнял меня и повторил: “Спасибо, миленький, спасибо!”»

В те вёсны Свислочь в Минске любила показывать горожанам свой норов, затопливая многие дома, в том числе и дом Купалы на Октябрьской улице. Охотников помочь поэту с временной эвакуацией (хоть при этом, чаще всего, имущество всего лишь поднималось на чердак), и правда, всегда хватало, особенно среди молодых поэтов.

Про папку и дневник, найденные в ящике стола, отец Василию не сказал, а все попытки поговорить с сыном о его личной жизни ничего не дали. Василь еще больше замкнулся в себе и только Юзику как-то признался:

– Порою мне кажется, что у меня два сердца. Одно наяву, а другое во сне. И я не знаю, какое из них настоящее, и где я настоящий. Только знаю, что во сне я совсем другой, даже внешне, хоть и никогда себя там не видел. Но если бы я мог взять туда с собой зеркало...

Вскоре после этого он купил на базаре и повесил на стене возле своей кровати большое зеркало, которое помнило лица не одного поколения бывших хозяев, но никак не мог забрать его с собою в сны.

20 ноября 1930 года страшная весть облетела Минск: Купала хотел покончить жизнь самоубийством и порезал себя перочинным ножиком. Встревоженный, испуганный Василь весь вечер не поднимался с постели. Он плакал. А ночью ему приснилось наводнение на Свислочи. Задыхаясь, он прибежал к купаловскому дому, куда подступала вода. Как ни странно, Купала был один, даже без жены, тети Влади, и совершенно равнодушный к тому, что творилось с рекой. Лево́й рукой он держался за живот, пряча рану, словно хотел, чтобы ее никто не видел. «Наводнение! – закричал Василь во сне и наяву, разбудив Юзика. – Иван Доминикович, вода затопит Ваш дом! Надо выносить вещи!» – «Ну, что ж, – спокойно сказал Купала, – если хочешь, выноси».

Свободной рукой он взял нечто, что стояло у стены, и протянул Василию. Василь обеими руками схватил предмет, и только тогда понял, что ему подал Купала: это было зеркало, в котором он увидел себя...

Той же ночью, так и не освободившись от своего сна, Василь умер.

Мне казалось, что требовать от дяди доказательств правдивости этой истории, в которую я сам мало верил, по меньшей мере, некрасиво, учитывая его состояние. Поэтому я сказал достаточно неопределенно:

– Это просто невероятно, и не каждый в такое поверит.

Дядя долго молчал, а потом проговорил:

– Перед тем, как внести в квартиру гроб, мама завесила темным платком зеркало. А ночью я не выдержал и отвернул край платка. Я увидел в зеркале живого Васи́ля. Только лицом он был как-то не похож на себя. Если бы у нас была сестра, я бы подумал, что это она смотрела оттуда на меня. Но что меня поразило и испугало – Василь был там радостным! Не улыбался, но весь светился. Я аж отскочил, и, пока не сняли платка, к зеркалу больше не подходил.

Дядя снова помолчал, а потом сказал:

– Когда-то я тоже увидел себя во сне в зеркале. И мне кажется, что я тогда навсегда остался там. Так и живу – во сне и в зеркале.

Я знал, когда это случилось. 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, дядя тоже плакал. А на завтра поехал в Москву, не подозревая, что каждый, кто тогда попадал на Трубную площадь, уходил с нее другим человеком. В день похорон он попал в самую давку, в которой погибли сотни людей. Обезумевшая от горя и любопытства толпа пронесла его сквозь земное чистилище, и когда он через неделю вернулся домой, глаза его светились кротостью, словно перед ними раскрылись таинства рая.

Надо сказать, что я и сегодня не очень-то верю в эти истории с зеркалом, которое теперь висит в моей спальне на стене, в своей стадии переступив тот рубеж, когда каждая новая трещина на деревянной рамке только добавляет ему красоты. И всё же, когда, ложась спать, я думаю о том, что в снах можно увидеть кого угодно, но не себя самого, мое сердце начинает биться сильнее. Может, потому, что теперь мне очень тяжело, и кажется, что я вот-вот не сдержусь и заплачу...

Перевод с белорусского Андрея Тявловского.

Алесь (Александр Николаевич) Бадак родился 28 февраля 1966 года в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. В разные годы работал в Бюро пропаганды Союза писателей Беларуси, в редакциях журналов «Бярозка», «Маладосць», главным редактором журнала «Нёман», главным редактором журнала «Польмя». В настоящее время – директор издательства «Мастацкая літаратура».

Автор поэтических книг «Будзень» («Будний день»), «За ценем самотнага сонца» («За тенью печального солнца»), «Маланкавы посах» («Молниевый посох»), «Развітанне з вечнасцю» («Прощание с вечностью»), прозы «Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца» («Одинокий восьмиклассник желает познакомиться»), а также многочисленных сборников поэзии и прозы для детей. В 2014 году вышел том избранных переводов поэзии и прозы на русский язык «Побег на край дождя». Книги прозы выходили в Таджикистане и Азербайджане, кроме того, произведения переведены на китайский, итальянский, венгерский, сербский, украинский, туркменский, казахский, армянский и другие языки. Лауреат первой премии республиканского литературного конкурса «Золотой купидон» (2009). Лауреат межгосударственной премии «Звёзды Содружества» (2014).

